

Пролог

Ночью выпал снег, покрыв землю ослепительно-белым покрывалом. Облака легко скользили по глади голубого неба. Среди них то и дело вспыхивало поднявшееся выше гор яркое солнце. День будет теплым, а значит, снег быстро растает и превратится в липкую, чавкающую грязь.

Солдатам к ней не привыкать.

Поблескивающие нити рельсов были похожи на плохо натянутые струны, закругляясь, прятались за кустами. Группа десантников двигалась вдоль железки. Кинолог с собакой вместе и порознь отмеряли шагами путь, пристально вглядываясь в неровно припорошенную землю.

За ними слева и справа от насыпи топали два бойца с автоматами наперевес. Ремни на шее, пальцы на спусковом крючке. Почти не разговаривали, каждый осматривал выделенный ему для наблюдения участок местности. Шаги выбивали ритм надоевшей ротной песни.

Вот въелась!

По идущей параллельно рельсам дороге тянулся грязный «Урал». Разбрасывая колесами жижу, он натужно ревел, когда переходил на пониженную передачу. Паренек-водила по кличке Тренчик смотрел в лобовое стекло, как в экран телевизора, по которому шла заставка с унылым ландшафтом. Иногда взгляд Тренчика опускался на торпедку, где с прикрепленной к ней фотографии на него смотрела обещавшая дожждаться парня девушка с веснушками и русой косой.

Рядом с шофером — командир группы капитан Долгополов. Крепкий, рослый, не один месяц отрубивший на войне. В отличие от Тренчика он дорогую сердцу фотографию жены и дочери, не выставляя напоказ, бережно носил в офицерском удостоверении.

В кузове тряслись на кочках ребята из ВДВ. По гражданским меркам они на войне совсем недолго, некоторые попали на нее сразу после учебки. Но на войне год за три идет, так что все они уже взрослые люди.

Пешие время от времени поглядывали на машину — не пора ли поменяться, но ноги не казенные, старшина других не выдаст.

А со стороны Червленной доносились отдаленные раскаты артобстрела. Артиллерия обстреливала правый берег Терека и северный склон Терского хребта, давая боевикам прикурить. Ночью террористы взорвали железнодорожный мост, связывавший Грозный с Кизляром, Моздоком и северными районами Чечни. Командование федеральной группировки заявило, что из-за подрыва моста маневренность войск не ухудшится, а в случае надобности они смогут переправиться через Терек и в другом месте, однако для охраны северной ветки бросило на железку десантников.

У невысокого бугорка собака вдруг остановилась, беспокойно обнюхивая землю, поддела носом снег. Переминаясь на месте, пес по кличке Серый оглянулся на парнишку-кинолога: мол, иди, посмотри, чего я тут нашел.

Рядовой поднял вверх руку. Десантники остановились. Грузовик предусмотрительно проехал вперед и, скрипнув тормозами, замер.

— Что нашел, Серый? — поощряя пса, солдатик потрепал его за ухо.

Пес снова ткнулся носом в снег и отошел. Кинолог приблизился, подтянул поводок и, оттеснив помощника, наклонился над бугром. Он осторожно смахнул снег и увидел свежевскопанную землю.

Вряд ли кому-то взбрело в голову играть на путях в куличики. Значит, остается одно — мина.

Паренек поднялся.

Из машины выпрыгнул капитан Долгополов.

— Чего там? — спросил он, приближаясь.

— Кажется, фугас прикопал, — ответил парень, доставая острозаточенный штырь.

Вдруг тишину разорвал раскат близкого выстрела. Кинолог рухнул как подкошенный на устланное белым саваном полотно. На снег брызнула кровь. Нежно-голубое небо сжа-

лось и опрокинулось. Призрачная идиллия нарушилась. За первым выстрелом последовал шквал огня.

Волга перевалился через борт и упал на землю, точно вывалившийся из лукошка гриб. Ориентируясь на звук, он короткой очередью ударил по кустам. Барсук залег за колесом грузовика и бил по огневой точке врага.

Противник усилил огонь. Пули поливали землю, заставляя людей искать укрытия. Но не все успевали добежать и спрятаться от свинцового дождя. Пули настигали десантников, оставляя на спинах ржавые пятна.

Несколько гранат рванули почти одновременно, с интервалом в доли секунды оглушив укрывшихся за грузовиком десантников. Осколки посекали брезентовый тент автомобиля.

Тень человека с бородой мелькнула за кустами. Боевик с перекошенным от злобы лицом поднял автомат и жажнул из подствольника. Граната разорвалась в десятке метров от «Урала». Радист беззвучно упал лицом в снег, не успев вызвать подмогу.

Бой разгорался, увеличивался темп стрельбы, грохот боя волнами накатывал на десантников. С одной и с другой стороны кричащие, визжащие, хрипящие людские массы пришли в движение и хлынули друг на друга. Там, где они соприкасались, снег становился красным.

Оставшиеся в живых десантники попадали на шпалы и, будто обезумевшие, «косили» «зеленку».

С другой стороны насыпи стреляли как-то вяло, редко и всегда одиночными. Вывод напрашивался сам собой — боевиков там мало.

Несколько десантников один за другим переползли рельсы на «спокойную» сторону и чесали «зеленку» из автоматов.

— Давай туда! — выкрикнул Барсук и бросился к насыпи. Навстречу грянул выстрел, но в ответ парень загнал в кусты штук тридцать, и выстрелы оттуда прекратились.

Двое ребят благополучно перебрались за насыпь в более безопасное место. Следом ломанулся и взводный снайпер Волга, но автоматная очередь чеченцев прошла пунктиром перед ногами, вжикнула саблей над головой и прижала снайпера к земле. Жаль, «эсвэдэшку» не взял — только автомат, ведь не на операцию шел. А без винтовки — какой он снайпер!

Боевики нахраписто выталкивали десантников за насыпь, загоняя в ловушку.

— Назад!!! Назад, пацаны!!! — орал и матерился через слово капитан Долгополов. — Куда прете, вашу мать!!! Они нас обходят! Огонь, мужики! Коси без остановки! Не давай очухаться! Не ослабляй огонь!!!

С трудом перекрикивая грохот канонады, капитан старался поднять боевой дух солдат. А расклад сложился простой: если «чехи» снесут заслон — путь для их ухода будет свободен. Но если решат продолжить бой — десанникам придется туго. До своих далеко. Половина группы уничтожена. Ближайшая застава, услышав стрельбу, запрет ворота и уйдет в оборону: опасаясь провокации, на помощь они не пойдут. Десанникам останется дожидаться подмоги спецназа...

Но сколько придется ждать?

Планомерно и настойчиво боевики загоняли десантников в кольцо. Уходить они не собирались, и это стало очевидно.

Вдруг пацан-водила поднялся, пригибаясь добежал до машины, распахнул дверцу грузовика и запрыгнул в кабину.

— Стой! Назад! Куда ты?! — прорычал Долгополов. Но какое там. Увидев, что товарищи гибнут, парень бросился в бой.

«Урал» зверски взвыл и резво набрал скорость. Спрыгнув с дороги, тяжелый грузовик рванул на бандитов. Подпрыгивая на камнях и сминая кусты, «Урал» давил всех, кто попадался. Боевики выпрыгивали из-под колес словно ошалевшие куропатки, а пулеметный ствол и автоматы крошили их, не останавливаясь.

Не ожидавшие от русских ожесточенного отпора, боевики дрогнули и отступили. Они не предполагали, что десантный водила рванет в их сторону и станет давить машиной, будто танком. Но используя численное превосходство, чеченцы забросали машину гранатами.

Лихо взлетев на железнодорожную насыпь, «Урал» задрал морду к небу и загорелся, приняв на себя осколки и пули бандитов. Свою задачу он выполнил, вызвав огонь на себя, и отвлек внимание ребят.

Горящая машина трещала остатками патронов, коптила небо черной гарью. Водитель выпрыгнул загодя и сейчас утюжил «чехов» из автомата. Его подвиг обозлил боевиков, вызвав новую волну агрессии.

Где-то в кустах отчаянно залаял Серый. Он прыгнул на боевика и намертво вцепился в его руку. Хватка оказалась мертвой. Другой ваххабит полоснул в пса из автомата, но пес до последнего мгновения жизни не выпускал врага из пасти.

Собаки — тоже, как и люди, способны на подвиг.

Пуля расporола капитану плечо, но Долгополов продолжал обороняться. Бандиты перенесли шквал огня на командира, желая обезглавить десантуру. Но он держался, уворачиваясь от пуль. Граната подствольника упала у самых ног Долгополова. Безжалостные осколки остановили сердце командира. Ребята остались одни.

Пулеметчик Амбал пошел на прорыв, круша все на пути. Здоровенный русский парень держал оружие за ствол, как Илья Муромец дубину, и, когда боевики оказывались рядом, бесстрашно и лихо громил их тяжелым кулаком, а потом снова стрелял. Несколько чеченцев зашли к нему в тыл.

Волга кинулся к товарищу.

— Я сейчас, Колян! — кричал он. — Держись, братишка!!!

Пулеметчик дико выл и, оскалив зубы, словно безумный стрелял вокруг себя, разметая врага. Он не прятался от пуль, а они свистели вокруг него. Он мог бы держаться долго... Если бы не кончились патроны.

Прошитый автоматной очередью десантник вздрогнул, остановился и рухнул на холодную, влажную землю. Голубой берет, похожий на кусочек неба, сорвался с головы и упал в грязь.

— Амбал, держись! — прокричал Волга, на последнем дыхании в броске метнулся к товарищу. Сердце колотилось бешено, в ушах стучало. — Коля-а-ан! Я иду!!!

Ощущение боли подсказало пулеметчику, что он жив. Сознание не соглашалось с приговором, ведь все вынес, претерпел и заслужил жизнь. Но пуля-дура пути не разбирает, а палач занес топор над головой.

Прошла, казалось, вечность, а может, секунды три. Или — четыре. В пылу не определишь. Перед тем как подняться в полный рост, Волга глубоко вдохнул, словно перед прыжком в ледяную воду, и... резко вскочив, побежал. Парень кричал, стреляя на ходу, почти ничего не соображая, действуя на одних рефlekсах. Каждую секунду можно погибнуть. Он подскочил к Амбалу, чтобы вытащить из-под огня... Но три ав-

томатные пули доделали дело, и пулеметчик беспомощно запрокинул голову.

— Коля-ян!!! — обливаясь слезами, прокричал Волга. — Суу-ки-и вы все!!! Суки-и-и! — неистово орал он.

Парень ощущал себя на грани безумия. Война штука жесткая и противоестественная. Чтобы выжить, нужно изменить собственные мозги, мировоззрение, поменять образ мысли.

Стрельба велась бестолковая и торопливая, звуки ее удалялись и затихали. Унося раненых, боевики отходили.

Сержант с измазанным землей лицом, воспаленными глазами плялился на трупы боевиков. Вдруг он громко выругался:

— Раненый!

Парень зарычал, словно злобный пес, и, сорвав автомат с плеча, передернул затвор.

Парализованно, не мигая, боевик наблюдал за бойцом.

Вдруг он не выдержал и заорал на плохом русском:

— Это наша земля!! А ваша где?! Зачем к нам пришли?!!

— Не надо, Толян! — запоздало выкрикнул Волга.

Но пули брызнули на землю, прервав никчемные вопросы. Солдаты — не политики, не им за них отвечать. У них работа другая. Простреленный бандит задергался, выгибаясь дугой. На груди расплылись пятна цвета клюквы.

Пацан ничего не соображал. Он был словно слепой... орал что-то дикое, продолжая стрелять очередью. Но кончились патроны.

Автомат шелкнул и затих, а парень до боли, до синевы все давил и давил пальцем на спусковой крючок.

— Хватит, Толик! Не надо, братишка! — успокаивал Волга.

Оба рожка пусты. Парень бросил автомат, разрыдался и, схватившись за голову, опустился на землю. Он озирался, ничего не видя вокруг, и вытирал рукавом слезы, облизывал искусанные в кровь губы.

На войне войну не обойдешь.

Вдруг стало тихо. Подозрительно тихо. В уши будто снегу набилось. Даже птицы испуганно примолкли.

— Все? — спросил кто-то.

— Где земляк? — оглядываясь в поисках Барсука, спросил Волга. — Пацаны, есть кто-нибудь?

Но в ответ лишь ветер шелестел, закручивая кольцами черный дым над догоравшим «Уралом».

— Черт! Неужели все погибли?! — прошептал ротный снайпер. — Ну кто-то же должен остаться!

Из-под голубого берета заструился пот. Капли стекли по переносице, на мгновение зависли на кончике носа и упали на автомат. Словно от лука из глаз брызнули слезы.

Волга тупо смотрел вокруг, никого не находя. Руки дрожали. В голове звенели колокола.

Увлечшись, Барсук с пацанами гнался за отступавшими боевиками. Разум подсказывал, что следует остановиться. Но злость, азарт и жажда мести гнали его вперед. Автоматный стрекот не пугал, а раззадоривал. Гнали долго, пока железка не осталась далеко позади, а заткнувшийся автомат не вернулся Барсука к реальности. Спаренные магазины пустые. Не заметил, когда успел перевернуть! Боец вдруг понял, что остался один и никого поблизости нет. Ни боевиков, ни пацана-водилы, ни Сашки Полетаева... Барсук перешел на шаг, прошел метра три и... вздрогнул, заметив впереди что-то темное-красное.

На камнях, лицом вверх, лежал распластанный Полетаев. Мертвые глаза сержанта смотрели в небо. Чеченцы вспороли ему, еще живому, живот, достали кишки и задушили ими еще живого. На камнях, среди которых лежал Сашка, его кровью написали «Аллах акбар», а на ноги надели белые носки — белых тапочек в лесу не нашлось.

Непрочная, тревожная тишина сковала воздух словно ледяной корочкой, которая, казалось, вот-вот хрустнет. Барсук почувствовал, что он не один... что она на него смотрит. Но если это свои, то почему так давит чувство опасности?

Тревога вползала в душу мерзкой гадюкой, душила животным ужасом. Ноги стали чугунными. В ушах засвистело. Возникло желание убежать.

Позади тоненько звякнуло. Как кольцо на автоматном ремне. Так оно и было.

Барсук оглянулся и увидел направленные в него автоматы. Бородачи в ваххабитских повязках в упор рассматривали безоружного русского. Он уже труп. Автомат без патронов — что палка. Нога крупного чеченца с черной густой бородой придавила к земле голову паренька-водилы по кличке Тренчик. Он лежал распростертый на земле и стонал.

Сзади хрустнула ветка. Невидимая сила сбила Барсука с ног, выключив сознание.

Глава 1

КАМЕНЬ, БРОШЕННЫЙ ВВЕРХ

День как день. Не лучше и не хуже тех других, которыми была заполнена жизнь Андрея Волгина.

Не обещал день ни неожиданностей, ни перемен, все как обычно — те же лужи на московских дорогах, те же пробки, те же грязь и гарь. А работа у Андрея известная — крути ба-ранку да вози шефа, куда скажет.

Перед светофором водила снял ногу с педали газа, позволив «Ниссану-Максима» катиться накатом. У линии «СТОП» мягко надавил на тормоз, и «японка», подчинившись, замерла на месте.

Грузноватый пассажир «представительского класса» с прядью седых волос качнулся вперед. 50-летний гендиректор фирмы по производству пластиковых окон похлопал себя по карманам и, нащупав жесткую пачку сигарет, извлек ее из пальто.

Зажегся зеленый глаз светофора. Андрей перенес ногу на педаль газа: автомат тронул машину с места, плавно разгоняя ее. Утром и вечером в Москве быстро не поездишь.

Директор надавил на прикуриватель и, пока тот наливался малиновым жаром, как щеки молодухи на морозе, неспешно достал сигарету из хрустящей целлофаном пачки с изображением верблюда, помял подушечками пальцев и сунул между губ.

Шеф сам выбирал водителя. Из двух претендентов свой выбор он остановил на Андрее и не прогадал. Парень оказался смышленным, скромным, с отменным здоровьем — ни разу больничный не брал. Молодой еще — болячек нажить не успел. Взял его директор на эту должность еще по одной причине. Личный водитель считался и телохранителем шефа,

поэтому, хлебнувший солдатского лиха в «горячей точке», Андрей подходил на эту роль лучше других.

Прикуриватель тихо шелкнул, выскочив из гнезда. Директор поднес к губам разогретый прикуриватель, кожей лица чувствуя исходивший от него жар. Ткнувшись в малинового цвета спираль кончиком сигареты, мужчина прикурил. Закрученный вихрь сизого, переливчатого дыма пробежал по салону и, поднявшись к потолку, растекся по нему. Солнечный луч, пробившийся сквозь облако, пронзил дым и заставил его светиться.

— Не задохнешься? — спросил шеф, зная, что водитель не курит.

— Я привычный, — улыбнулся Андрей. — Пассивный курильщик. С детства! Отец у меня дома курил, прямо в комнате. Мать его ругала, а ему все равно — так и дымил.

— Плохо, когда сам не куришь, а рядом такой «паровоз», — сказал начальник и, не дожидаясь ответа, кончиком пальца коснулся черной клавиши стеклоподъемника. С легким гудением боковое стекло опустилось до половины и замерло. Краски за бортом стали ярче. — Хорошо на улице. Свежо, — глядя на чисто вымытый дождем асфальт и пробегающие за окном едва начавшие зеленеть деревья, порадовался шеф. — А ты-то чего не куришь — неужто в армии не научили?

— До армии баловался, — припомнил Андрей. — А в ВДВ пришел, захотел снайпером стать — стрелял неплохо. Поехали на сборы. Мне командир сказал: «Со стрельбой у тебя хорошо, и рост позволяет, и усидчивость необходимая есть, но, если хочешь к нам, — бросай курить!» Я не врубился сразу — при чем здесь курение, если нормы ВСК¹ я выполнял на твердую четверку с половиной. Капитан мне доступно пояснил: «Часть у нас боевая, а курящий снайпер ночью легкая добыча. Огонек сигареты за пять сотен метров виден, особенно в инфракрасной оптике, а горящая спичка за километр-полтора! Как ни прячься, все равно когда-нибудь засекут и подстрелят, а мне лишние трупы не нужны!» Пришлось резко бросить, и с той поры не курю, — закончил рассказ Андрей.

— Повезло! — с завистливыми нотками произнес дирек-

¹ Военно-спортивный комплекс упражнений.

тор. — А мне и врачи курить не велят, да и сам бросить хочу, а никак не могу. К каким только экстрасенсам и кодировщикам не обращался, а хватает их магии только на полгода! Хотя нет, был и рекорд — одиннадцать месяцев не курил!

На высокой ноте пропищал мобильник Андрея.

— Кто это с утра? — удивился он, поднимая трубку. — Если только Танюха.

С сестрой Таней они жили одни, без родителей. И Андрею приходилось брать на себя бремя обязанностей по воспитанию и обеспечению девушки, а также надзору за ней. В душу к сестре он не лез, как жить — не учил, поэтому между ними царило полное понимание. Теперь вот Татьяна поступила в институт. Не работает еще, а девчонке восемнадцать — перед сокурсниками хочется выглядеть достойно. Вот Андрей и крутился: поднимал сестру и одевал. А зарплата в «оконной» фирме неплохая: побольше, чем получал в частном охранном предприятии, охраняя жестяной ангар с китайским тряпьем.

А вообще-то братом Таня гордилась — он для нее все: и отец, и мать, и брат, причем герой-«чеченец». Не вечно, конечно, они будут друг за друга держаться, выйдет Танька замуж, появятся заботы, а пока так.

Андрей сбавил скорость и, легко управляясь с рулем одной рукой, приложил трубку к уху.

— Привет, Волга! — услышал он жизнерадостный голос Лешки Барсукова, или Барсука, как называли его однополчане. Богат русский язык, а на всех солдат имен не хватает, и в ход идут клички. Так проще. Андрей служил с ним в одном взводе, был на полгода старше. Дедовщину в армии не искоренили, а потому над молодым Барсуком старослужащие сильно издевались. Можно долго рассказывать, как по ночам он унитазы чистил зубной щеткой или куском стекла вместо цикли добела скоблил паркет в казарме; как били его в коптерке, просто так, «для профилактики»... Трудно было, и было бы еще трудней, если бы Андрей не узнал, что Барсуков тоже москвич — земляк, значит. Вот и взял он молодого бойца под защиту. С тех пор жизнь у Барсука наладилась. В свободное время Андрей брал уроки метания ножа у командира, и со временем у него стало получаться метать нож точно в цель. Хотел и Лешку приобщить к этому занятию, ведь на

войне любое оружие пригодится, да как-то не вышло. К учебе Лешка относился прохладно.

В Чечню тоже вместе попали. Правда, закадычными друзьями не стали — «земляки», «однополчане» и не более того. Как американские морские пехотинцы, они романтично называли себя «оводами войны», безжалостно жаящими врага. Еще они называли себя «снайперами», поскольку английское слово SNIPER переводится как «стреляющий из укрытия».

На необъявленной войне, называющейся контртеррористической операцией, парни служили снайперами.

После армии Барсук устроился в коммерческую фирму и надолго пропал из поля зрения Андрея. А объявился неожиданно, совсем недавно, на сверкающей темно-синей «Ауди».

Однако Андрей несказанно обрадовался встрече с однополчанином, с которым они воевали, теряли друзей, ходили на ночную «охоту», шарахались по «зеленке», прикрывали огневые точки, устраивали «гнезда» и охотились, долгими часами выслеживая врага.

Все было.

Да, хлебнули они горя.

— Леха! — оживился Андрей. — Откуда ты? Рад слышать! Куда пропал?

— Нормалек, братан! — хрипло пробасил Барсук. — Дайка, думаю, звякну братухе, поболтать за жизнь!

— Леха, ты извини, я в движении, говорить долго не могу, — остудил пыл приятеля Андрей. — Ты лучше вечером мне домой позвони. А еще лучше — заезжай: поболтаем!

— Ты на тачке, что ли, едешь? — смекнул тот. — А где? может, меня подхватишь? Я как раз тачку ловлю.

— «Парк культуры» проезжаю. Но сейчас не могу, — виновато сообщил Андрей, поворачивая руль и перестраиваясь на соседнюю полосу, чтобы повернуть. — Давай вечером созвонимся — идет?

— Нет вопросов, братан! Бывай! — тотчас вошел в положение Барсук, и гнусоватый голос в динамике сменился на зуммер отбоя.

— Друг? — вопросительно посмотрел директор.

— Приятель армейский.

— А-а, — уважительно протянул директор и немного ос-

лабил галстук. — Скоро он меня задушит, в самом деле... И чем теперь твой друг занимается?

— Барсук-то? В какой-то коммерческой фирме работает. Видно, получает неплохо: на крутой тачке приезжал. А чем именно, не знаю, как-то не спрашивал.

У выезда на Садовое кольцо пришлось постоять в пробке. Машины сбились в кучу, как стадо баранов, рокот их моторов сливался в единый гул. На Зубовской история повторилась. Чтобы не дышать удушливыми выхлопами чадающих грузовичков и едкой смесью, извергаемой примитивными детищами отечественного автопрома, директору пришлось спешно закрыть окно и врубить климат с угольным фильтром.

Зато Смоленку удалось проскочить почти влет, не задерживаясь у МИДа.

— У меня приятель недавно на автосалон в Европе заскакивал, — припомнил гендиректор. — У наших стендов тихо — ни посетителей, ни фотографов. У других кофе предлагали, шампанское! Наши — все молчком и без улыбок.

— Поэтому иностранцы и думают, что по Красной площади до сих пор медведи гуляют! — согласился Андрей.

Прозвучал новый телефонный сигнал. Теперь деликатно звонил, исполняя известную мелодию, директорский «тридцать пятый» «Сименс».

Директор взял трубку и надавил на кнопку с зеленой трубкой.

— Слушаю вас... — деловитым, бодрым голосом сказал он.

Последовавший затем разговор отличался от обычного общения директора с партнерами. По обрывкам фраз, по холодным, жестким ноткам и интонациям шефа Андрей понял, что звонок из разряда неприятных. Голос директора становился все тверже, но лицо все мрачнее.

— Я вам все сказал, — потеряв терпение, бросил он в трубку и с раздражением выключил телефон. — Обнаглели, мерзавцы!..

Здание МИДа за окном уплыло прочь, а впереди, на въезде в арбатский тоннель, открылся вид на гостеприимно распахнувшийся Старый Арбат.

Директор закурил, с жадностью затянувшись сигаретой.

— Что-нибудь случилось? — спросил Андрей, решившись

нарушить повисшую тишину. Слишком озабоченным и растерянным выглядел начальник.

— Нет, Андрей, все в порядке, — серьезно, без эмоций, ответил директор. — Просто не все люди любят и могут работать, но многие желают денег. Особенно чужих. Километр на размышление. Как это тебе нравится? — усмехнулся он. — Интересный речевой оборот.

— Километр на размышление? — переспросил водитель.

— Да. Они так сказали.

— Они — это?.. — попытался проникнуть за покров тайны Андрей.

— Не важно, кто ОНИ. Не одни так другие. Столько развелось нахлебников, и наверху до них никому нет дела, — не заботел говорить на запретную тему директор.

Андрей не обижался. В конце концов водителю не следует знать того, чего ему знать не надо. Однако сказанное директором наводило на кое-какие мысли, которыми парень и поделился с шефом.

— Похоже, они знают, куда мы едем и где находимся, — сообщил он, осторожно посмотрев в зеркала. В попутном направлении рядом с «Ниссаном» и «Тойотой» двигалось множество машин, но ни в одной из них ничто не выдавало врагов.

— Почему ты так решил? — поинтересовался директор.

— До офиса как раз не больше километра, значит, кто-то знает, где мы едем, — легко обосновал Андрей свой вывод. — Может, не поедем в офис, а еще куда-нибудь заскочим — хоть в цех или на «точку»?

— Да ты что! — вскинул брови директор. — Как это не поедем? Не нужно идти на поводу. Мало ли кому как хочется!

— Не нравится мне ИХ осведомленность, — честно признался Андрей и еще раз глянул в зеркало. — И в офис ехать, по-моему, не нужно.

Минут через семь белый «Ниссан-Максима» свернул в переулок и остановился на площадке перед офисом, где неровным рядком припарковались машины сотрудников.

— Подожди тут, — попросил директор в ответ на вопросительный взгляд водителя, прежде чем захлопнуть дверь. — Сейчас еще в одно место поедем.

— Понял, — с готовностью ответил Андрей, доставая из

бардачка купленный в переходе CD с неброским названием «Хиты для вечеринки».

Однако, взяв диск в руки, личный водитель упустил из виду свое второе предназначение — охранять начальника. Этот факт вряд ли мог что-то изменить, но и утверждать обратное не стоит.

«Отличный день, — полагал Андрей, — шеф без разговоров обещал помочь с кредитом на квартиру, а то живем с сестрой, как в тесном ничтожном номере. Все-таки у персонального шофера, как и у личного секретаря, есть некоторые привилегии, — заключил он. — Сегодня обрадую новостью сестру!»

Кто бы мог знать, что его планам не суждено сбыться.

После того как дверь за шефом закрылась, Андрей встал в подсвеченную зеленым светом прорезь магнитола и, поудобнее устроившись в кресле, включил музыку громче. Он закрыл глаза и под ритмичную, танцевальную музыку предался приятным мечтам о будущем.

Для человека в рабочей спецовке, расположившегося в двухстах метрах от «Ниссана» на пыльном чердаке дома довоенной постройки, пунктуальность директора оказалась кстати. А потому парню не пришлось ждать долго: шеф приехал на работу как положено, без десяти девять, как делал это несколько лет подряд, не принимая во внимание погодные условия, и за это время почти не изменил привычек.

День обещал быть погожим и ясным. Веселое солнышко с самого утра решило немного побаловать соскучившихся по его ласке людей, согревало их своими лучами, и только на темный чердак, облюбованный одичавшими голубями, его лучи почти не пробивались. Там царил полумрак, было влажно от накопившейся за долгое время зимних оттепелей и весенних дождей сырости.

Вокруг парня в спецовке, как конфетти, валялись разноцветные птичьи перья, еще зимой разбросанные кошками, и остатки брошенных гнезд, а под самой крышей серым теннисным мячом висел бумажный купол осинового гнезда. Через открытое слуховое окно вход в офис «оконной» фирмы был виден как на ладони.

Хорошее место для снайпера.

Парень неторопливо передернул затвор, дослав пулю, и

прижался щекой к теплому, пахнущему деревом и свежим лаком прикладу автоматической винтовки. Глаз прильнул к зрачку окуляра.

«Ветер слабый, хватит и единицы», — прикинул поправку оптического прицела «промысловик».

Указательный палец привычно и легко лег на изгиб спускового крючка и замер в ожидании. В глазке излишне мощной оптики появилось колесо машины... потом дверь... Крупно, дверная ручка с личинкой замка... голова водителя...

Андрей развалился на бархатном сиденье «Максимы». Время от времени он чему-то улыбался, барабана раскрытой ладонью по рулевому колесу, и неуклюже подергивался в такт неслышимой с большого расстояния музыке.

Оптическое око переместилось к фасаду здания, отделанному гранитной плиткой. Пошло правее, к латунной табличке, и вверх...

В дверях показался директор с кожаной папкой для бумаг. Расстегнутое пальто колыхалось, раздуваемое ветром. Директору оставалось пройти всего-то шагов двадцать, но это были его последние шаги.

Шаги в вечность.

Тот, кто напряженно смотрел в прицел, поймал директора в смертельную паутину окуляра и затаил дыхание. Мгновенно рассчитав, где через миг будет находиться грудь директора, он синхронизировал движение вороненого ствола с движением директора и плавно, без рывка, потянул на себя спусковой крючок, выбирая слабинку свободного хода.

Ход оказался коротким. Коротким оказался и последний шаг руководителя успешно работающей фирмы.

Со звуком сухого дерева, опавшего на асфальт, громынул выстрел, резко ударив по ушам. Усиленный замкнутым пространством, но в нем же и удержанный, на улице, на фоне шума транспорта, хлопок был едва различим и затерялся в общем городском шуме.

Сквозь холодные линзы с голубоватыми бликами «охотник» наблюдал за директором: он, сделав по инерции еще один шаг, резко остановился, будто наткнувшись на невидимую стену, не поняв, что произошло. Затем отшатнулся, выбросил перед собой руки, будто закрываясь от смертельной опасности, и, выронив на мокрую дорожку кожаную папку, за-

валился на бок, словно подломленное дерево. На белой рубашке, резко контрастирующей с темным пальто, расцвело ярко-красное пятно.

Немного боли, и смерть. Пуля угодила в область сердца, не оставив директору ни единого шанса на жизнь.

Закончив дело, человек привычно и небрежно обер тряпкой ставшую ненужной винтовку, уничтожив отпечатки вспотевших от томительного ожидания пальцев, и бросил ее в дальний угол чердачного помещения. Спустившись по узкой лестнице, он деловито посмотрел по сторонам и, убедившись в отсутствии любопытных глаз, быстро вышел из зачуханного подъезда и зашагал к центральной улице.

Ничего из того, что произошло в нескольких шагах от него, Андрей не видел. Он продолжал увлеченно слушать музыку и отвлекся лишь тогда, когда проходившие мимо люди постучали в тонированное стекло «Ниссана». Андрей почему-то вздрогнул, почувствовав неладное. Он глянул в окно и увидел шефа, распростертого на асфальте подбитой птицей — всего в десяти метрах от машины.

Андрей понял, что произошло непоправимое.

Ощувив холод во всем теле, Андрей выскочил из уютного салона «Максимы» и подбежал к окровавленному начальнику с неестественно побледневшим, похожим на восковую копию, лицом. Он приложил палец к шее... но в артерии не почувствовал биения жизни.

Андрей понял, что помочь шефу уже ничем не сможет.

На площадке перед офисом собралась толпа зевак, каждый из которых выдвигал собственную версию нелепой, трагической смерти. Хотя, в сущности, все давно привыкли к ежедневным сообщениям о десятках подобных происшествий, воспринимая их не более чем абстрактные сводки с загоризонтно-виртуальных фронтов, не принимая близко к сердцу.

— Предположительно, разрыв аорты. Смерть мгновенная, — констатировал врач кареты «Скорой помощи», вызванной на место происшествия. — Никто не мог ему помочь... — ответил он на немой вопрос, читавшийся на лицах людей, сняв груз за то, что человек умер, не только с себя, но и со всех присутствующих.

Прибывшая оперативная группа провела воображаемую линию от тела директора к чердаку дома напротив и доста-

точно быстро обнаружила там брошенное преступником оружие, однако опрос свидетелей результата не дал: в утренней суматохе на него никто не обратил внимания.

— Сразу видно, что поработал профессионал. Попал точно в яблочко, — жизнерадостно и цинично констатировал «следак», привыкший относиться к подобным убийствам как к обычной работе. — Стреляли из «эсвэдэшки». Армейский вариант. Бэ-у. Дело тухлое...

Толпа высыпавших на улицу сотрудников фирмы и любопытных ротозеев-прохожих не убывала до тех пор, пока тело директора под тихое всхлипывание уборщицы бабы Кати, пристроенной директором в фирму с полгода назад, не погрузили на брезентовые носилки и, накрыв покрывалом, не отнесли в «Газель» с красным крестом на борту.

Разболтанная санитарная машина звеняще взревела и тронулась в скорбный путь.

* * *

Андрей потряс головой и открыл глаза. Нет, ничего не изменилось. Это не сон и не наваждение. Директора действительно убили. Сука снайпер. Бил точно в сердце, как охотник белке в глаз. А он, телохранитель фигов, ничего не сделал. Знал же, что не нужно в офис ехать, но поехал. Почему не поступил так, как подсказывала интуиция, а она ведь великая вещь? К черту все!.. Вон пулеметчик Вовка Симохин когда-то смеялся над этим «дополнительным рецептором», но его убила пуля вражеского снайпера. В окопчике, при полной тишине. И теперь ему там, на небесах, наверное, не смешно.

Наверное, только один Андрей не хотел снимать с себя вины за эту смерть и бессмысленно корил себя за чужое преступление...

Милиция делала свою работу. Сержанты стояли в оцеплении. Опера составляли протокол осмотра места происшествия и опрашивали свидетелей, которые ничего не видели. Следователь искал возможные мотивы совершения дерзкого преступления, беседовал с сотрудниками фирмы, только и от этого проку мало. Следствие шло своим чередом. Допрашивали и Андрея. Он рассказал следователю про странный те-

лефонный звонок, поступивший на мобильник директора буквально за десять минут до убийства, но ничего важного, что могло бы навести оперативников на след преступника, сообщить не смог.

Когда потрясение стало проходить, сотрудники фирмы собрались в самой большой комнате. Кто-то нашел фотографию директора и, повязав на ней черную траурную ленту, поставил на стол. Откуда-то появилась ваза с красными гвоздиками.

Разговаривали вполголоса. Гадали, что теперь будет с фирмой и с ними со всеми. А что гадать, накрылась фирма.

В России недостаточно иметь светлую голову, которая может найти идею бизнеса, объединить людей, образовать связи, найти деньги и, в конечном счете, запустить бизнес, пусть и на основе чужой технологии. Есть планка, подниматься выше которой рискованно. Не потому что не хватит ума, сил или средств. Причина в другом. Едва бизнесмен поднимет голову выше планки, как начинаются неприятности. Сначала мелкие: пожарные, санэпидстанция, лицензии... Потом покрупнее: милиция, приставы или хмурые рожи в спортивных костюмах. Так что создать бизнес легко (как бы трудно это ни было), но гораздо труднее удержаться в занятой нише, если ты не обладаешь серьезным «административным ресурсом».

Если бизнес уникальный и конкурентов еще нет, значит, они скоро появятся, поскольку ни одно дело, приносящее доход, не остается в России без внимания паразитов.

Пример тому — произошедшее с руководителем фирмы по производству пластиковых окон. С остановкой сердца гендиректора рухнули радужные надежды, возлагаемые коллективом на будущее, и их высокооплачиваемая работа.

Уверенность Андрея в завтрашнем дне бесследно растворилась в воздухе как прозрачная предрассветная дымка.

* * *

В конце дня, когда выбившееся из сил солнце заканчивало золотить почерневшие крыши московских многоэтажек и уютные дворики домов старой постройки погрузились в тень, юная особа возвращалась домой. Она спустилась в мет-

ро и села в последний вагон. Угрожающе гудящий голубой экспресс всего за двадцать минут домчал ее от обрызганного тысячами цветных огней Кутузовского проспекта до погруженной в полумрак окраины Кунцева с темными силуэтами давно обжитых людьми бетонных коробок на фоне угасающего неба.

Увы, безрадостная метаморфоза.

Зябкий сквозняк перестал трепать пряди выкрашенных перьями волос девушки. Стройная гибкая фигура в синих обтягивающих джинсах и легкой нейлоновой куртке такого же цвета легко и стремительно поднялась по серым каменным ступенькам метро наверх и, двигаясь по черной от влаги тротуарной дорожке, стала все дальше и дальше удаляться от последнего на ее пути оазиса горящих фонарей.

Весна еще не лето, и сумерки наступают достаточно рано. А там и ночь.

В глубине квартала, недалеко от небольшого перекрестка, девушка замедлила движение и, бросив быстрый взгляд на дорогу, ступила на разлинованную жирными полосами «зебру»...

Упругие акустические волны мощного басового сабвуфера с частотой сто двадцать ударов в минуту ритмично выстреливались в просторное нутро темно-зеленого «Мицубиси-Паджеро» и смешивались с голосами нескольких звуковых колонок. Салон наполнен густым туманом сигаретного дыма, спрессованными ударами синтетического «техно» и тягелым духом начинавшего перегорать спиртного.

То и дело вылезая на полосу встречного движения, пятидверный джип с азартной лихостью и тупым остервенением обгонял очередную пачку тянувшихся к домам легковушек, стараясь обойти всех.

— Слышь, Сержант! Ты про баб бы, что ли, чего-нибудь загнул! Вы как вчера с Ксюшкой посидели — ну, типа, удачно? — басовито спросил соседа пребывавший в приподнятом настроении парень с мощной шеей и приплюснутым носом на бульдожьем лице. Водитель по прозвищу Селезень одной рукой вальяжно придерживал баранку, другой сигарету.

— Нормалек! Чисто время провели! Покувыркались с ней малька! — скривился в многозначительной ухмылке пассажир с лицом, не говорившим о большом интеллекте его обладателя. — Она телка нормальная попалась, с понятием.

Живет одна с ребенком маленьким. Ну посидели с ней, потрепались... Базар-вокзал... Водкой разогнались, а потом она сама — на диванчик прыг. Ну, прилегла, типа. Давай видак, говорит, посмотрим! Прикинь, а? Да на хрен мне ее видак сто лет сдался!.. Но потом сообразила, что, типа, не в кассу вякнула, говорит, эротику люблю смотреть. Я тут ее за язык и поймал, говорю, так я тебе как раз и хотел показать эротику! Добавили еще. Выгрузил я ей свой деревянный, уговаривать не пришлось, приладилась, как тот пылесос!

Самодовольная физиономия пассажира японского внедорожника красовалась в окне, как свиная голова в витрине мясного отдела центрального гастронома.

— А «киндера» вы куда дели — в туалете, как в камере, закрыли? — живо интересовался подробностями вчерашней интимной вечеринки Селезень.

— Да хрен его знает — я и не видел! Наверное, спать уложили. Время-то уже много было. Он все ходил-ходил, сначала нашу закуску поедал на халяву, а потом куда-то делся. Думаю, чисто спать отправился. Утром просыпаюсь, бли-и-ин, в одной майке — куда трусы закинули — хрен знает!..

— Подфартило тебе! — хохотнул «бульдог» и, почти не снижая скорости, крутанул руль вправо, ввинчиваясь в перекресток, как штопор в пробку бутылки французского вина.

Скорость вхождения в поворот явно не соответствовала заданному водителем углу и его субъективной оценке дорожной обстановки. Яростно цепляясь за дорожное полотно, пронзительно завизжали широкие колеса «Паджеро». Они задымились, оставляя на асфальте черные полосы, и тщетно силились удержать машину на полукруге...

Но сделать это было невозможно.

Заложенная в поворот дуга распрямилась в эвольвенту, как часовая пружина, и выбросила джип на встречную полосу. Галогеновый луч вырвал из мутных сумерек белую линию разметки, бордюрный камень, черно-белую раскраску пешеходного перехода и что-то еще...

В жестком свете фар вдруг ярко вспыхнула светоотражающая полоса на синей куртке. Ступившая на переход девушка отпрянула от несшейся прямо на нее темной громадины, но уже была обречена. Лишь на мгновение взгляд водителя «Мицубиси» запечатлел ослепленные фарами, полные немомо-

го ужаса, широко раскрытые глаза, вспыхнувшие под беспорядочно взметнувшимися черными волосами. После чего раздался удар.

Звон бьющегося стекла сменился коротким стоном, похожим на тяжкий выдох.

Видение исчезло, будто его и не было никогда. Столкнувшись с живой плотью, мощная машина вздрогнула и... одержала над ней верх.

Легкая победа.

Хрупкое девичье тело неожиданно резко подлетело вверх. Черный асфальт вздыбился и перевернулся вместе с домами, небом, редкими огнями фонарей и этой машиной. Таня была в сознании и удивлялась, что не испытывала боли.

Может, все обойдется?

Жалко новые джинсы, подаренные братом на день рождения. Они, наверное, испачкались. За секунду до того, как стекло фары расколосось вдребезги, а массивный высокий бампер прогнулся от удара, Таня с фотографической отчетливостью увидела ротвейлеровскую морду темного внедорожника: трехлепестковый красный цветок — половина лепестка обломана — на решетке радиатора, а на краске много-много сколов от дорожных камней. Черный силуэт водителя качнулся за стеклом...

И... темнота.

Крутанувшись в воздухе, Таня отлетела к обочине и, рухнув вниз, по инерции продолжала кувыркатся. Только этого она уже не видела.

— Слышь, братан, чего это было? — не сразу врубился задумавшийся о чем-то Сержант. На крутом вираже он еле удержался, чтобы не завалиться на водилу. — Ты чо! Я чуть бычок не проглотил!

Оцепеневший Селезень, уставившись вперед, молчал.

— Ну ты чего, братан, заснул, что ли? — потряс его за плечо Сержант.

— Сам ты заснул! Все, кранты цыпленку... Кажись, я телку какую-то замочил... — пробормотал вцепившийся в руль лихач. Словно очнувшись, он сбавил скорость и испуганно заворочал головой по сторонам. — Зараза! Сзади тачка едет...

Пассажир автоматически оглянулся.

— Сейчас упасет... Нет, не сюда. Свернула... — облегченно выдохнул Селезень. — Тогда, кажись, никого...

— Так это мы бабу задавили? — наконец дошло до анестезированных водкой мозгов Сержанта.

— А я тебе о чем! — нервничал Селезень. — Что делать? Посмотрим?

— Опуел, что ли! — мгновенно возмутился грубо оторванный от приятных воспоминаний о вчерашнем вечере Сержант. — Чего ты там увидишь? Если жива баба — так на хрен ты ей нужен? Встанет и пойдет домой. А если уже «кони двинула» — так тем более! Ты че, типа, доктор? Лечить ее будешь? Шас тормознешь, а кто-нибудь рядом нарисуетя и быстренько нас «сфотографирует»! Стукнет ментам номерок, а те на посту нас «свинтят» тепленьких, и пойдешь по этапу гулять! Отягчаловка налицо: датый — к доктору не ходи, рецидив — приводы были, оставление места происшествия, оставление человека в беспомощном или каком там состоянии! Влупят тебе, братуха, по самому верхнему пределу, по самую макушку!

— Заткнись ты, пока в морду не завел! — рявкнул на него лихач. — Без тебя тошно, как в общественном сортире!

— Ты чего наезжаешь? Сам волну не гони! — с пол-оборота завелся не менее нервный и выпивший не меньше, чем Селезень, Сержант. — Жми на газ, и делов-то куча! Больше газа — меньше ям!

— Ладно, давай отъедем и посмотрим, что с тачкой, — поддался на уговоры Селезень. — Кажись, фара погасла. Вот дура баба — не могла под другую тачку прыгнуть!

— Да что они — смотрят, что ли, когда прыгают! — рассудил Сержант.

— Потом сразу к пацанам в сервис... У тебя с собой «зелень» есть? — поинтересовался Селезень.

— Копейки какие-то — баксов триста, не больше, — прикинул финансовые возможности Сержант. — Тебе куда — добавить хочешь?

— Шутник ты, бя! — зло руганулся водитель. — От ментов откупаться будем, если останвят. Легче на месте расплатиться, чем потом целую шоблу-воблу одолеть!

— А-а, — разочарованно произнес пассажир, почти забывший о неприятном эпизоде. — Это можно.

— Если накроют — бабе денег на лечение подкинем и за моральный ущерб. Адвокату... Свидетелям... — придя в себя, соображал Селезень.

— Не-а! Свидетелям козью морду состроим — заткнутся! — хохотнул Сержант и изобразил ту самую морду. Получилось похоже.

— Вот зараза, невезуха поперла! — горько посетовал Селезень, предварительно разразившись несвязным трехэтажным матом в адрес вконец обнаглевших пешеходов, глаза у которых находятся совсем не на голове. — Бармену, что ли, позвонить? — задумался он.

— Зачем? — скривился в удивленной гримасе Сержант. — Это твои проблемы, братан. Сам попал, сам и выбирайся. Бармен, может, спит уже или с бабой кувыркается, а ты ему весь кайф сломаешь. Потом скажешь, — насколько мог трезво рассудил он.

«Паджеро» занял правую полосу и, взревев трех с половиной литровым мотором, стал быстро удаляться, светя красными огоньками габаритных огней на корме с запасным колесом.

* * *

В квартире было темно и неестественно тихо. Не работал телевизор, не звякала посуда на кухне, не журчал ручейком девчачий говор по телефону...

— Тань! — позвал сестру Андрей, торопясь поделиться с ней неприятной новостью. — Та-ань! Спишь, что ли? Знаешь, что сегодня у меня на работе случилось?

Ответа не последовало.

Андрей скинул ботинки и, не снимая куртки, прошлепал в комнату.

Вспыхнул свет.

На излюбленном Танькином месте на диване, напротив телевизора, он не увидел девичьей фигуры в зеленом домашнем спортивном костюме, привычно сидевшей с по-детски поджатыми ногами.

Выходит, не пришла еще.

Причин для волнения не было: Татьяна иногда допоздна задерживалась у подружки по институту Ольги Неверовской.

То ли действительно уроки вместе делают, то ли кадрятся — кто их там знает.

Андрей снял куртку на коротком меху и повесил в шкаф. Умылся и в поисках корма отправился на кухню.

«Так и есть», — окончательно успокоился он, прочитав Танькино послание, выведенное аккуратными крупными буквами.

На двери холодильника, магнитом в виде бабочки, прихвачена записка, гласившая, что сестра действительно ушла к Ольге Неверовской, а Андриюхина порцияпельменей находится в морозилке.

Вспыхнуло голубое колечко конфорки. Под кастрюлей с подсолонной водой колыхнулось пламя, разделенное на ровные мелкие дольки, как мандарин.

Из комнаты донеслось прерывистое телефонное бульканье. Сергей устало опустил на диван и взял трубку «Панасоника».

Позвонил припозднившийся Барсук.

— Слушай, Волга, ты уже дома? — поинтересовался он, как будто набрал не домашний номер Андрея. — Как настроение?

— Ниже колена, — опустошенно посетовал тот. — Тут такие дела...

— А что такое? — понизил голос до доверительного тона однопольчанин. — Бабок, что ли, на работе не дали? Так ты там вроде и так не пыльно жил?

— Хуже, — остановил пустую болтовню Андрей. — Сегодня моего шефа убили.

Непроизвольно он сделал паузу, может, для того, чтобы оценить, какой его сообщение произведет эффект?

— Да? — как-то не испытывая особого потрясения, переспросил Барсук. Впрочем, кого сегодня удивишь смертью очередного коммерсанта.

— Прямо около офиса застрелили! Я в тачке музыку слушал, не видел ничего, — продолжая в душе упрекать себя, рассказал Андрей.

— Ну и что твой шеф — жив? — с поддельным участием поинтересовался Барсук.

— Куда там. Со ста метров точно в сердце положили. Умер

сразу. Видно, перед этим стрелок не одну сотню патронов сжег. Специалист.

— Подумаешь, специалист, — возразил Барсук. — Помнишь, как мы с тобой их «кукушек» отстреливали? Какие там сто метров! А сейчас таких, как мы с тобой, пруд пруди.

— Хороших стрелков не так уж много, — не согласился Андрей. — Помнишь, сколько из нашего набора было?

— Хороших трое: мы с тобой да Колька Филатов.

— Ну вот. Это не много. А стрелять-то, между прочим, все умели и на задания ходили.

— Ладно, — нехотя согласился Барсук. — Ну и нашли что-нибудь?

— Винтовку нашли на чердаке. Говорят, если по горячим следам не поймали — теперь дело труба.

— Да-а! — соглашаясь, выдохнул Барсук.

— Кстати, ты сейчас где, а то заскакивай ко мне, посидим. Сестра у подруги, я один...

— Я хотел заехать, но не получилось, — замылся приятель. — Давай в следующий раз пивка попьем.

— Заметано!

Кинув трубку, Андрей вернулся на кухню и достал из холодильника начатую бутылку водки. Поставил на стол старую резную рюмку и блюдо с парочкой соленых огурцов. Пока возил директора, к водке не прикладывался — редко когда с устатку немного позволял себе выпить. Теперь работа закончилась. Завтра можно не выходить: фирма умерла вместе с директором...

Наполнив рюмку, он с горечью и теплотой вспомнил о покойном директоре. Пока тело не предано земле, поминать нельзя, поэтому Андрей одним махом отправил водку в рот, вроде бы просто так — никого не помяная и ничего не говоря. Вспыхнувшее в горле жжение он тут же погасил половинкой хрустящего огурца.

Закончив ужин, Андрей почувствовал, как погашенная водкой волна дневных переживаний обратилась в тяжкую усталость. В ожидании сестры он, не раздеваясь, прилег на диван «на десять минут» и мгновенно забылся, погрузившись в вязкий сон, как водолаз в черную, будто нефть, морскую глыбину.